

людей, различать добро и зло, смотреть на мир с разных сторон. Война наложила сильнейший отпечаток на ее судьбу, и весь свой жизненный опыт бабушка Лина старалась передать мне, своей внучке. Она верила, что на ошибках учиться можно, и всячески старалась все свои уроки жизни мне передать. Она всегда будет для меня учителем жизни.

Башмаков Олег,
студент Бобруйского филиала БГЭУ

Мой главный Учитель жизни

У каждого в жизни есть свой Учитель, человек, который идет по жизни вместе с нами, своим опытом, знаниями и душой наставляя нас. Это те, кому мы доверяем, кого безоговорочно принимаем и искренне любим.

Такой Учитель есть и у меня. Это моя бабушка – Башмакова Лилия Юрьевна. Она преподавала мне главный урок в жизни: война и фашизм – это не только потери в бою, но и изуродованное, искалеченное детство.

В 12 лет моя бабушка стала узницей лагеря смерти Равенсбрюк, узнала, что такое чужбина и неизвестность.

Прошло семьдесят лет, но бабушка хорошо помнит все события своей войны.

Вот ее рассказ: «Равенсбрюк находился в Макленбургских лесах в семидесяти километрах от Берлина. Это был огромный многонациональный лагерь. В фашистской неволе томились русские, украинцы, народы Прибалтики, поляки, чехи, немцы, французы, греки, венгры, евреи. Лагерь имел даже свои промышленные предприятия, приносившие огромные доходы.

Несколько суток до германской границы мы ехали в ужасающих условиях в товарных поездах-телятниках, в которые загоняли столько людей, что даже сидя нельзя было вытянуть ноги. От духоты люди теряли сознание, многие умирали. Кормили нас одни раз в день: давали по кусочку хлеба и питье. Иногда кормили брюквенным супом с червями. Товарные составы с узниками часто попадали под бомбежку. Рядом с живыми в вагонах были раненные, которым не оказывали никакой помощи, и убитые.

Когда состав прибыл к пункту назначения, под охраной патрулей СС пешком нас погнали к воротам лагеря. Лагерь нас встретил веселой громкой музыкой, на воротах была надпись: «Арбейт махт фрей», что в переводе означает: «Труд делает свободным» или «Труд освобождает».

На площади во дворе лагеря первое, что мне бросилось в глаза – дымящиеся высокне трубы. По наивности я подумала, что это кухня лагеря, не подозревая, что это крематорий. Так думали и другие.

На площади около комендатуры нас заставили расстаться с личными вещами. Бросали все в общую кучу, вплоть до нижнего белья. В таком виде мы попали в душевую. После душевой выдали по паре полосатого белья и такое же платье. На одежду нашивался знак «OST», означающий, что узник – человек с востока, достойный только унижения и презрения.

Потом нас повели по баракам, или, как их называли немцы, – блокам. В нашем бараке помещалось до 2000 человек. В бараках были нары в четыре этажа, смонтированные из досок и железных коек по две вместе. На двух койках должны были уместиться по пять человек. Дети спали на бумажных мешках с соломенной трухой. Все задыхались от жары, от испарений, от пота человеческих тел. Бараки зимой не отапливались, мы и замерзали. Не было лекарств и врачебного обслуживания. От тяжелого труда, голода, истязаний и болезней тысячи узников медленно и мучительно умирали каждый день.

У нас не было мыла, а в душевой подавалась только холодная вода. Вши и клопы кишели между досками нар. От их укусов чесалось все тело. Фашисты очень боялись болезней и поэтому требовали чистоты. Я с ужасом вспоминаю о так называемых «банях», где нас «прожаривали» нередко раз до потери сознания, чтобы убить вшей.

Кормили нас один или два раза в день, и то пищей это назвать нельзя. Вечером был суп из брюквы, утром кипяток и 150 граммов хлеба для детей и 250 – для взрослых. Хлеб готовился плохо, в него добавляли костную муку и даже древесные опилки. Говорили, что нам еще повезло: в некоторых лагерях выделяли только по 50 грамм хлеба на человека. Мы, изголодавшиеся дети, принимали сладковатый запах, доносившийся из крематориев, за запах пекущегося хлеба.

Чтобы не умереть с голоду, нам приходилось тайком пробираться под колючей проволокой и идти в город попрошайничать. Однако выходить из лагеря без знака «OST» запрещалось, а передвигаться по городу с такой нашивкой – опасно. Приходилось отрывать нашивку, а возвращаясь в лагерь – пришивать обратно.

В лагере мы работали нередко по 12 часов в сутки. Тех, что постарше, сгоняли на строительство водонапорных башен и других сооружений. Дети помладше работали на заводах, а совсем малыши были часто просто предоставлены сами себе.

Иногда детей из концлагеря на повозках возили в госпиталь. Там купали, переодевали, в течение 7–10 дней усиленно кормили, чтобы брать кровь для немецких солдат. После этого детей клеймили: клеймо в виде двух соединенных колец ставили на правой лопатке. Затем ребят

снова отправляли в концлагерь. Они спали на соломе, кишевшей паразитами. Насекомые разъедали рану, она долго кровоточила и не заживала...

Самым радостным днем для меня стал день освобождения. 30 апреля 1945 года охрана лагеря вдруг разбежалась, а следующим утром нас освободила Советская Армия.

Оглядываясь назад, я мучительно прохожу опять и опять этими путями, которые не забудутся никогда. Сколько там истязаний! На нас травили собаками, нас унижали и оскорбляли, нас топтали ногами, обливали зимой холодной водой. Мы простаивали часами под солнцем, дождем и на морозе перед бараками на проверках. Слабые сходили с ума. До сих пор снятся кошмары: издеваются, мучают...».

Моя любимая бабушка! Мой главный Учитель жизни! Спасибо тебе за твои уроки памяти, за эти горькие и правдивые воспоминания! Я обязательно передам их своим детям, чтобы больше никогда на нашей планете не повторилась эта страшная война, чтобы не забылась правда о ней. Память о героях и жертвах второй мировой войны – это наша совесть, а значит и сила нашего народа.

Я нашел в Интернете стихотворение, написанное Иваном Костиним. Оно посвящено ветеранам, бывшим малолетним узникам концентрационных лагерей, супругам Нине и Юрию Ваниным, и прочитал его бабушке:

*Не покупай мне, милый, розы.
Ты должен помнить, что они
Способны вызвать только слёзы,
Как вспомнишь лагерные дни.
Мне их шипы – ты знаешь лучше –
Напоминают до сих пор
Ряды натянутых колючек,
На нас глядевшие в упор.
Ты лучше мне на день рожденья
Букет ромашек подари.
Я вспомню день освобожденья,
Свет той немеркнувшей зари...
Не покупай мне, милый, розы.
Нарежь букет цветов живых,
Чтобы на них сверкали росы
Прохладой склонов луговых.*

Бабушка обняла меня и заплакала. Ты больше никогда не будешь плакать, бабушка! Это я тебе обещаю.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
□□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.